

УДК 39;902

Т.Н. Собољникова, А.В. Кузина

Археологические исследования средневекового городища Чебачья пристань 2 в низовьях Иртыша

Аннотация. Археологические памятники эпохи средневековья таежной зоны Северо-Западной Сибири изучены крайне неравномерно. К наименее исследованным территориям в этом отношении можно отнести низовья Иртыша. В полевом сезоне 2014 г. были проведены раскопки средневекового городища Чебачья Пристань 2. Памятник находится на западном берегу оз. Домашний Сор, в окрестностях п. Согом (Ханты-Мансийский район ХМАО–Югры). В процессе работ был исследован участок оборонительной системы и прилегающей к ним площадки городища (площадью 40 кв. м); получены обширные данные для изучения и реконструкции материальной культуры средневекового таежного населения.

В статье представлены предварительные результаты археологических исследований и культурно-хронологическая атрибуция полученных материалов. На данном этапе исследования городище Чебачья Пристань 2 датировано X–XII вв. н.э.

Ключевые слова: таежная зона Северо-Западной Сибири, Нижнее Прииртышье, раннее средневековье, городище, селище, археологические раскопки, археологический микрорайон.

T.N. Sobolnikova, A.V. Kuzina

Archeological researches of the medieval settlement Chebachya Pristan 2 in the lower reaches of Irtysh

Abstract. archaeological monuments of the Middle Ages the taiga zone of the North-Western Siberia studied unevenly. The least investigated areas in this regard can be attributed lower reaches of the Irtysh. In the field season of 2014 archaeological researches were conducted excavations in the medieval settlement Chebachya Pristan 2. The monument is located on the western shore of the lake “Domashnij Sor”, within the boundaries of the rural settlement Sogom (Khanty-Mansiysk district of KMAO-Ugra). During the work it was investigated portion of the defense system and the adjacent settlement area (40 sq. m); extensive data were obtained for the study and reconstruction of the material culture of the medieval population of the taiga.

The article presents the preliminary results of archaeological research and cultural and chronological attribution of the obtained materials. At this stage of the study the settlement Chebachya Pristan 2 dated X–XII centuries ad.

Keywords: taiga-zone of Northwestern Siberia, Lower Irtysh, early Middle Ages, ancient settlements, archaeological excavations, archeological microdistrict.

Археологические памятники эпохи средневековья таежной зоны Северо-Западной Сибири являются важными источниками для изучения процессов этногенеза современных обско-угорских народов. На сегодняшний день в западносибирской археологии накоплен огромный археологический материал по эпохе средневековья. Тем не менее, единства в подходах к осмыслению этих источников, а также в интерпретации этнокультурных процессов, происходивших на этой об-

ширной территории, нет [1; 2]. Причиной данной ситуации является крайняя неравномерность в археологической исследованности региона: стационарные археологические раскопки проводились на территории отдельных микрорайонов Сургутского Приобья. Так, за последние 37 лет было исследовано более 40 средневековых памятников в урочищах Барсова Гора и Сайгатино [2, 135]. В Нижнем Приобье (бассейн р. Ендырь) около 8 лет велись раскопки городища Ендырское I (Эмдер),

могильников Ендырский I и Ендырский II [3].

На этом фоне левобережную часть Нижнего Прииртышья (низовья рек Иртыш, Конда) можно отнести к наименее изученным, в археологическом отношении, районам таежной зоны Северо-Западной Сибири. Особенно это касается раннесредневековых памятников, исследования которых носили здесь эпизодический характер и проводились, как правило, в рамках разведок. В качестве практически единичных примеров можно привести исследования В.Н. Чернецова на городище Ус-Толт в 1940-х гг. (окрестности п. Карым) [4]; раскопки Л.Г. Шориковой на могильнике Тохтымейпай в 1965 г. (окрестности п. Согом) [5]; охранные археологические раскопки городища Стариков Мыс I (окрестности п. Согом), проведенные под руководством В.М. Морозова в 1997 г. [6].

В рамках настоящей статьи представлена история изучения одного из средневековых памятников Нижнего Прииртышья – городища Чебачья Пристань 2, а также вводятся в научный оборот материалы, полученные в ходе археологических исследований (раскопок) данного памятника, проведенных в полевом сезоне 2014 г.

Городище Чебачья Пристань 2 находится на западном берегу оз. Домашний Сор, на территории урочища «Чебачий бор» (Ханты-Мансийский район ХМАО–Югры, в границах с.п. Согом) (рис. 1).

История изучения памятника. Городище выявлено в 1965 г. в ходе разведки Уральской археологической экспедиции, проводившейся под руководством Л.Г. Шориковой [5]. Памятник получил название «городище у р. Чебачьей». Согласно отчетным материалам, городище представляло собой площадку округлой формы (20 х 20 м) с тремя жилищными впадинами, окруженную системой оборонительных сооружений (вал, ров). В шурфе, заложенном на площадке городища, был выявлен культурный слой мощностью 0,6 м, представленный серой гумусированной супесью. По сборам с поверхности и керамике, об-

наруженной в шурфе, можно утверждать, что городище предварительно датировано ранними этапами средневековья (карымская культура; IV-VI вв.) [5, 4–6].

Последующие работы в урочище «Чебачий Бор» были проведены в 1989 г. экспедицией Тобольского государственного педагогического института им. Д.И. Менделеева под руководством Н.Ю. Поршукковой [7]. Вероятно, археологи не были знакомы с отчетом предшествующего исследователя, поэтому памятник был открыт повторно и получил новое название – «городище Чебачья Пристань 2». Именно под этим названием он был поставлен на учет в Списки вновь выявленных объектов автономного округа [8]. На тот момент городище уже было частично разрушено в результате лесоразработок, которые активно проводились в урочище в 1980-е гг. Памятник был «перерезан» лесовозной дорогой, площадка городища разъезжена гусеничной техникой, южная часть оборонительных сооружений фактически снесена. Следуя плану памятника, сделанному Н.Ю. Поршукковой, городище представляло собой площадку (сохранившуюся часть площадки) подовальной формы, окруженную системой фортификаций: в северной части – вал-ров-вал, в северо-восточной – вал-ров. В ходе зачистки осыпи дороги был выявлен культурный слой мощностью 1,1 м, найдены фрагменты керамики, орнаментированные сложными узорами из взаимопроникающих зон гребенчатого штампа. На основе полученных материалов исследователь датировал памятник эпохой средневековья [7, 26–27].

Новый этап в исследовании памятника связан с проведением в 2011 г. масштабной инвентаризации археологических объектов в окрестностях оз. Домашний Сор и п. Согом [9; 10]. В рамках этой программы была осуществлена топографо-геодезическая съемка территории городища, установлены его границы, составлены учетные документы. Кроме того, в процессе изучения ландшафтной ситуации было выявлено селище, вплотную прилегающее к

внешним линиям фортификации городища с северной стороны (рис.2). Селище представлено остатками 7 жилых сооружений, расположенных очень близко друг к другу в два ряда. В рельефе эти сооружения представляют собой неглубокие впадины правильных четырехугольных форм с хорошо выраженной обваловкой по периметру. Планиграфически городище и селище представляют собой единый комплекс, аналогов которому в пределах левобережной части низовий Иртыша-Конды пока нет.

Археологические раскопки 2014 г. В полевом сезоне 2014 г. под руководством Т.Н. Собольниковой на городище были начаты стационарные полевые исследования. Раскоп площадью 40 м² был заложен в юго-восточной части городища – вдоль разрушенного участка линии оборонительных сооружений. В процессе работ выявлены элементы сгоревших деревянных конструкций (плахи), располагающихся на валу (остатки стены и, возможно, «перехода» через ров?). Мощность культурного слоя на участке вала – до 2 м. В стратиграфическом срезе зафиксированы следы периодической подсыпки и, возможно, «перестройки» деревянных конструкций. Однозначные выводы по реконструкции оборонительных сооружений пока делать сложно, поскольку, из-за высокого уровня воды, часть раскопа (собственно участок рва) пришлось законсервировать. Их исследование будет продолжено в следующем полевом сезоне.

В северной части раскопа был выявлен угол сооружения, расположенного на площадке городища. Его можно связать с одной из жилых впадин, зафиксированных Л.Г. Шориковой в 1965 г. [5]. Жилищный слой представлен темным гумусированным слоем, насыщенным углистыми включениями. Мощность его составляет до 0,4 м.

В целом, следует отметить, что культурный слой в месте заложения раскопа очень насыщен находками. Полученная в ходе раскопок коллекция артефактов насчитывает более 5000 единиц (и это на 40

м²!). Вследствие того, что поверхностный слой городища был частично поврежден гусеничной техникой, первые артефакты обнаружили еще до начала раскопок – на поверхности памятника. Наибольшее количество находок сделано в верхних горизонтах (-20–40 см от современной поверхности). Несколько развалов сосудов было обнаружено на дне углубления подовальной формы (1,4 x 2,6 м), расположенного в основании вала (в месте его перехода в ров). Залегали они в плотном слое органики, состоящем из рыбной чешуи, мелких костных остатков и т.д.

Коллекцию артефактов, полученную в полевом сезоне 2014 г., можно разделить на две категории: массовые и индивидуальные находки. К массовой категории отнесены фрагменты керамических сосудов (95 % от общего количества находок); остеологические материалы (кости крупных и мелких животных), общее количество которых насчитывает более 170 единиц хранения (3 %). Для выяснения принадлежности костных остатков к конкретным видам животных необходимо проведение археозоологического анализа. К категории индивидуальных находок (2 %) отнесены: изделия из металла, кости, камня, глины, а также шлаки, фрагменты бересты, камни.

Керамика. Наиболее массовым и информативным источником, который получают археологи в процессе стационарных исследований таежных средневековых городищ, является керамика. Даже при небольшой площади раскопов количество фрагментов керамических сосудов исчисляется тысячами экземпляров [11, 173]. Не стали исключением в этом плане и раскопки городища Чебачья Пристань 2. В коллекции 2014 г. по шейкам сосудов с венчиками было выделено около 290 сосудов. Сохранность их различна – от почти целых форм до мелких разрозненных фрагментов. Реконструкция сосудов усложнялась тем, что их большая часть, начиная с тулова и включая днище, не орнаментированы. Полная графическая реконструкция была сделана только для 6 сосудов.

Декоративно-морфологический и технологический анализ средневековой керамики городища Чебачья Пристань 2 был сделан на основе выборки, включающей в себя фрагменты от 234 сосудов, чья сохранность позволяла реконструировать (хотя бы частично) их форму, параметры и орнаментальную композицию. Подавляющее большинство сосудов представляют собой приземистые горшки с профилированной шейкой (высотой от 3 до 6 см), раздутым туловом и круглым дном. Переход от шейки к тулову, в большинстве случаев, был достаточно резким, многие сосуды расслоились именно в этом месте. Судя по спаям, шейка наращивалась из отдельного жгута, который крепился к тулову изнутри. Диаметр сосудов по устью варьирует от 12 до 32 см. Единичными экземплярами в коллекции представлены сосуды баночной формы; как правило, они были небольших размеров.

Первоначальный визуальный анализ керамической коллекции городища Чебачья Пристань 2 позволил сделать вывод о ее разнообразии и вариативности используемых узоров, схем, мотивов и элементов. Наряду с сосудами, орнаментированными только пояском ямок по шейке, присутствуют экземпляры, украшенные по всей поверхности мелкими узорами, выполненными разными видами штампов. В тоже время «бросались в глаза» сосуды, образующие своего рода серию или группу посуды, имеющую единые декоративно-морфологические характеристики. Степень сходства была настолько высока, что возникало ощущение, что они сделаны одним человеком, который строго следовал определенным стандартам и схемам. Кстати, это предположение вполне возможно проверить, поскольку поверхность согомской посуды изобилует отпечатками пальцев древних «мастеров».

Поскольку наиболее ярко отличия между сосудами проявлялись именно в декоре (прежде всего, в орнаментальной композиции и основных мотивах (элементах), составляющих ее), именно этот признак стал

основой для выделения групп (типов) керамики городища Чебачья Пристань 2.

Первая группа представлена сосудами, орнаментальная композиция которых включала в себя две или три-четыре зоны, приуроченные, как правило, к определенным частям сосуда и имеющие различную линейную направленность (41 %). Основным мотивом, занимающим центральную часть шейки сосудов, являлись наклонные линии, состоящие из оттисков гребенчатого, гладкого или фигурного (чаще скобчатого, в единичных случаях – змейковидного) штампов (рис. 3–1–3). Иногда вместо мотива из наклонных линий использовался узор, состоящий из заштрихованных ромбов. По технике и манере данный мотив очень близок к наклонным столбикам: ромбы не имеют внешнего контура (за исключением одного сосуда) и состоят, также как и наклонные столбики, из оттисков штампа. В коллекции есть несколько сосудов, где в декоре были использованы сразу оба эти мотива.

Центральная часть шейки сосудов рассматриваемой группы ограничивалась горизонтальными линиями из вертикальных или наклонных оттисков гребенчатого или гладкого штампа, реже – прочерченными линиями. По верхней части шейки (поверх основного узора) наносился ряд округлых ямок, реже – ряд из ямок, чередующихся с «жемчужинами». По тулову и придонной части сосудов располагались вертикальные фестоны различных вариаций: простые (сдвоенные прямые линии из оттисков гребенки или скобчатого штампа) или более «нарядные» (в виде перевернутых треугольников, состоящих из оттисков скобчатого штампа).

Данная орнаментальная схема в рамках группы отличается устойчивостью, несмотря на использование разных штампов, а иногда и техник. Около 2/3 сосудов первой группы орнаментировались гребенчатым или гладким штампом; для 1/3 сосудов, наряду с перечисленными штампами, характерно использование фигурного штампа, чаще всего скобчатого, реже – змейковид-

ного и др. Скобчатым штампом обычно наносились наклонные линии или фестоны. На некоторых сосудах горизонтальные линии, оконтуривающие основной мотив, выполнялись в технике прочерчивания и т.д. Другими словами, при соблюдении общей схемы декорирования посуды существовало несколько вариантов ее технического исполнения.

Еще одной особенностью данной группы является то, что орнамент на шейке сосудов отличается высокой плотностью нанесения. Расстояния между отдельными оттисками и элементами очень маленькие. Придонная часть и дно покрывались очень разреженными узорами, иногда не декорировались вообще.

Примерно треть сосудов первой группы имеют очень специфическое рельефное оформление венчика: сначала край сосуда срезался под плоскость, затем по внешнему и внутреннему ребру твердым инструментом делались глубокие вдавления или защипы. Венчик, таким образом, приобретал волнообразный «нарядный» облик. Еще один рельефный элемент орнамента, который использовался при оформлении верхней части шейки сосудов первой группы (около 34 %), – это «карнизик», который располагался стандартно над линией ямок. Ширина его в среднем составляет 0,2–0,3 см, форма в сечении – подпрямоугольная или округлая; по «карнизнику» наносился орнамент гребенчатым, гладким или скобчатым штампом. Особо следует отметить, что в техническом отношении можно выделить несколько принципиально разных технических приемов формовки «карнизика»: путем накладывания (налепа) жгутика, выдавливания инструментом из стенки сосуда или прочерчивания двух глубоких бороздок.

Вторая группа объединяет сосуды, в орнаментальной композиции которых используется такой мотив, как «взаимопроникающие зоны» (ок. 30 %). Ведущий мотив располагался на шейке сосудов; в редких случаях – повторялся на тулове сосуда (рис. 3–2). Узор выполнялся гребенча-

тым или гладким штампом, реже – острым орудием в отступающе-накользящей и прочерченной технике. В подавляющем большинстве случаев использовался простой вариант данного узора – чередование зон (имеющих форму прямоугольника или треугольника), состоящих из прямых параллельных линий. В редких случаях узор усложнялся путем включения в него дополнительных элементов, например, оттисков скобчатого штампа в пространство между прямыми линиями и т.п. Этот мотив ограничивался с обеих сторон горизонтальными линиями из оттисков штампа. Придонная часть сосудов либо не орнаментировалась, либо украшалась разреженными вертикальными или диагональными линиями (прочерченными, из наколов скобчатого штампа и др.).

Сосуды данной группы отличаются большей стандартностью – по сравнению с сосудами первой группы. Диаметр по устью варьирует от 24 до 27 см, высота шейки составляет 3–4 см. Венчики имеют прямую форму, орнаментированы наклонными оттисками штампа. Для сосудов этой группы также характерно наличие «карнизика» в верхней части шейки, располагающегося над рядом глубоких ямок. Но, в отличие от сосудов первой группы, «карнизик» имеет более сглаженные очертания (менее рельефный); формовка происходила в процессе наращивания последнего жгута (путем выдавливания). На некоторых сосудах встречено по два таких «карнизика»: один в верхней части венчика, другой – на линии перехода шейки в плечико. Можно предположить, что данная деталь имела не столько декоративное, сколько технологическое значение (усиливала место скрепления жгутов в зоне шейки сосуда – наиболее уязвимой к растрескиванию при сушке и обжиге).

Третья группа – это сосуды, орнаментированные по шейке монотонными горизонтальными линиями, выполненными в накользящей или отступающе-накользящей технике (14 %) (рис. 4–1–3). Расстояние между отдельными линиями небольшое,

в верхней части шейки традиционно расположен ряд ямок, в единичных случаях – два ряда.

Сосуды данной группы сохранились очень фрагментарно (преимущественно шейки), поэтому полное представление об орнаментальной композиции, а также форме сосудов, получить сложно. Судя по всему, они орнаментировались преимущественно в верхней части. Внутри группы можно выделить некоторые различия, связанные с типом орудия-орнамента. Для декорирования примерно 2/3 сосудов этой группы использовалась палочка с уплощенным или округлым рабочим краем шириной 0,4–0,5 см (не исключено, что использовались кости животных). Инструмент при работе располагался почти под прямым углом к поверхности, очень глубоко проникал в поверхность сосуда, образуя характерные рельефные бороздки. Примерно 1/3 сосудов этой группы орнаментировалась скобчатым штампом. Кроме того, было выявлено несколько «гибридных» по своему облику сосудов: оттиски скобчатого штампа наносились по дну заранее подготовленных (путем прочерчивания) бороздок.

Что касается других характеристик, можно отметить, что сосуды 3-й группы отличаются от сосудов 1-й и 2-й групп несколько большими размерами (диаметр венчиков в среднем составляет 28–30 см, толщина стенок – 0,6–0,7 см).

На двух сосудах, отнесенных к этой группе, были встречены массивные внутренние налеты со сквозным отверстием и массивные «ушки» (волнистые выступы) на венчике. Близкие аналогии таким сосудам находятся в коллекции городища Ендырское I (Эмдер). Они были соотнесены с позднекинтусовским (рачевским) типом керамики, датируемым концом XI – серединой XII в. н.э. [2, 201; 3, 57–59]. По мнению ряда исследователей, появление таких сосудов связано с имитацией железных котлов, которые начинают распространяться в это время на севере Западной Сибири [12, 64].

Четвертая группа представлена разрозненными скоплениями преимущественно шеек и фрагментов тулова сосудов, орнаментированных монотонными горизонтальными линиями, состоящими из наклонных оттисков короткого гребенчатого или гладкого штампа (12 %). Между этими рядами шпателем-ножом проводились прямые линии, которые придавали поверхности рельефный характер. В верхней части шейки располагался ряд глубоких ямок. Поверхность таких сосудов была тщательно заглажена и подложена (рис. 4–4–5). Оттиски штампа – четкие и ровные, они имели форму линзы, что связано с особенностями орудия.

Небольшими группами (по 3–4 экз.) представлены сосуды, орнаментированные только в верхней части шейки: одной-тремя горизонтальными линиями из оттисков гребенчатого штампа и рядом ямок, либо – только рядом из ямок. Кроме того, в коллекции есть группа фрагментов от миниатюрных сосудов, с диаметром устья 3–6 см. Они различны по форме и орнаменту, поэтому однозначно определить их функциональное назначение на данный момент затруднительно. На стенках двух таких сосудов нанесены антропоморфные изображения (рис. 5–10–11).

В целом, несмотря на выделение нескольких групп посуды, различающихся по своему облику, принципам и характеру декора, можно выделить ряд общих моментов, характеризующих средневековую керамическую посуду городища Чебачья Пристань 2:

- выраженная зональность используемых схем и стремление к линейной направленности узоров (горизонтальной, вертикальной, диагональной);
- использование миниатюрных орудий-орнаментов с небольшим рабочим краем, тонкой нарезкой зубцов и т.д.;
- сходные приемы обработки поверхности сосудов, заключающиеся в тщательном их заглаживании, придании ровности и гладкости;
- толщина стенки сосуда в области

шейки всегда больше, чем на остальных частях.

Также следует отметить, что для посуды городища Чебачья Пристань 2 характерна вариативность в технологических аспектах, которая, однако, не всегда коррелирует с различиями в декоре. Визуально можно выделить несколько рецептов формовочной массы: глина+песок+органика; глина+дресва; глина+талк. Закономерности в их приуроченности к той или иной группе не выявлено.

Аналогии средневековому керамическому комплексу, полученному в ходе раскопок 2014 г., прослеживаются с различными культурными типами (образованиями), выделяемыми исследователями в границах обширной таежной зоны Западной Сибири. Мотивы, характерные для посуды 1-й группы, типичны для зеленогорской и кучиминской культур; «взаимопроникающие зоны» для керамики вожпайского и оронтурского типов (или 1-го и 2-го этапов кинтусовской культуры по А.П. Зыкову). Монотонные горизонтальные узоры 3-й и 4-й групп широко представлены на посуде рачевского (позднекинтусовского) типа. Перечисленные культурные типы выделены по материалам Сургутского Приобья. Не вдаваясь в рамки настоящей статьи в анализ дискуссии относительно вопросов периодизации и хронологии средневековой археологии Западной Сибири (в том числе и обозначенных типов), отметим, что подобная посуда была обнаружена за пределами собственно Сургутского Приобья. В территориальном плане наиболее близкие согомской посуде аналогии прослеживаются в средневековых комплексах Нижнего Приобья (городища Ендырское I, Ендырское VI) [3; 13] и Нижнего Прииртышья (Кошелевское городище) [14, 277].

На данном этапе исследования мы воздержимся от однозначной культурно-хронологической привязки каждой из выделенных в коллекции групп керамики. Во-первых, нам не позволяют это сделать планиграфические и стратиграфические дан-

ные: сосуды разных групп залежали вместе, часто – в одном скоплении. Во-вторых, для Нижнего Прииртышья, на данный момент, недостаточно источников для выстраивания общей культурно-исторической колонки, и здесь мы согласимся с позицией ряда исследователей о некорректности прямой синхронизации материалов других регионов со схемой развития средневековья Сургутского Приобья [14; 15; 16].

Многие характеристики, например, технологические и некоторые декоративные моменты (наклонные ленты, ряды ямок, гребенчато-штампованная орнаментация и др.), выделенные нами в процессе анализа керамики, достаточно широко распространены в рамках таежной зоны Западной Сибири второй половины I тыс. н.э., где проживало близкородственное население [2, 97; 17, 40]. Не исключено, что в ряде случаев различия в декоре и технологиях могут быть связаны не только с хронологией, но и, например, с их функциональным назначением. Об этом, в частности, может свидетельствовать тот факт, что практически на всех сосудах 2-й группы присутствует нагар, в то время как на сосудах остальных групп он фиксируется в единичных случаях.

В то же время, обращаясь к анализу гончарных технологий, использовавшихся при изготовлении посуды на городище, мы можем констатировать различия в деталях, приемах и операциях (например, при формовке «карнизика» под венчиком), параллельное использование разных техник орнаментации, их совмещение и т.д. Все это является признаками смешения нескольких технологических традиций («школ»).

Следует упомянуть, что помимо средневековой керамики, в коллекции присутствуют разрозненные единичные фрагменты от сосудов эпохи неолита, ранней бронзы, раннего железного века (кулайская культура) и раннего средневековья (карымская культура). Часть из них залегала в переотложенных слоях, составляющих вал городища; некоторые фрагменты обнаружены в предматериковых слоях на пло-

щадке городища. Данные находки позволяют выдвинуть предположение о том, что участок берега, на котором расположено городище Чебачья Пристань 2, осваивался в более ранние периоды. Это подтверждают и предшествующие археологические исследования Согомского археологического микрорайона, показавшие, что данная территория активно осваивалась древними сообществами, начиная с периода раннего неолита [6; 7; 10; 18].

Вещевой инвентарь, полученный в ходе раскопок 2014 г., представлен преимущественно орудиями труда, связанными с различными сферами хозяйственной деятельности средневекового таежного населения: промыслами (охотой, рыболовством), обработкой шкур, гончарством и т.д.

Изделия из металла представлены единичными экземплярами орудий из железа: двумя миниатюрными ножами и рыболовным крючком с жалцем на острие (рис. 5–1–2). Все они были найдены практически под дерном, в верхнем слое заполнения рва и имеют очень плохую сохранность (сильно корродированы).

Подобные изделия – не редкость для средневековых памятников. Серии миниатюрных ножей были получены при раскопках средневековых городищ в Нижнем Приобье (городище Ендырское I) и Нижнем Прииртыше (Рачевское II). Исследователи предполагают, что данные орудия предназначались для выполнения тонких операций по обработке кожи или кости [3, 87]. Рыболовные крючки с жалцами прямоугольного сечения также широко распространены в материалах средневековых памятников Северо-Западной Сибири и интерпретируются как «принадлежность снасти типа перевеса для пассивного лова крупной рыбы» [3, 95].

В северной части раскопа (в жилищном слое) была найдена бронзовая пластина подпрямоугольной формы (рис. 5–3). Ее размеры составляют 2,6 x 4,8 см, в сечении – 0,2 см. Поверхность пластины ровная, края – со следами сломов. Не исключено, что пластина могла быть изготовлена

из лома. Функциональное назначение изделия пока не понятно.

Изделий из кости в коллекции 2014 г. немного: три наконечника стрел, один нож (рис. 5–8) и два изделия, которые можно интерпретировать как рукояти для ножей (или заготовки для них). Малочисленность орудий из кости связана с тем, что они (как и вся органика) очень плохо сохраняются в песчаных почвах среднетаежной зоны. Помимо готовых изделий, в остеологической коллекции городища имеется серия заготовок из трубчатых костей, расколотых пополам – со следами их обрезки и заточки (16 экз.).

Следует отметить, что костяные наконечники стрел и их заготовки широко представлены в таежных памятниках X–XI вв. При этом, как отмечают исследователи, для них характерны «широкая вариабельность форм и размеров» [11, 138]. Наиболее близкие аналогии костяным орудиям и заготовкам городища Чебачья Пристань 2 можно провести с материалами средневековых памятников лесного Зауралья (бакальская, юдинская культуры) [19].

Кроме орудий, среди костяных изделий выделены астрагалы – один целый и несколько фрагментированных (рис. 5–9). Подобные изделия, но, как правило, с нарезками и отверстиями, часто присутствуют в коллекциях средневековых городищ и поселений в Среднем Зауралье, Среднем Прииртыше [11, 177; 19, 57–58]. Исследователи интерпретировали их как игральные кости. В материалах средневековых городищ Нижнего Прибыя X–XIV вв. (Ендырское I (Эмдер), Перегребное 1) представлены астрагалы с просверленными отверстиями, которые использовались в качестве амулетов [3, 117].

Изделия из камня представлены разнообразными орудиями, среди которых: скребки для выделки кожи (?) – 4 экз., оселки (орудия для заточки металлических орудий) – 5 экз., одно целое небольшое тесло, а также несколько обломков шлифованных орудий со следами их «вторичного использования» (возможно, в качестве орудий для

лощения керамики).

Приспособления для заточки металлических орудий (оселки), изготовленные из абразивных пород камня, широко представлены в коллекциях средневековых городищ и поселений таежной зоны Западной Сибири. Согомские оселки, кроме одного, изготовлены из абразивных пород камня и имеют на поверхности характерные следы от заточки ножей. Особый интерес представляет оселок из сланца в виде пластины, имеющей форму неправильной трапеции (рис. 5–6). Все грани орудия отполированы до блеска (отшлифованы при работе). На одной плоскости орудия фиксируются тонкие бороздки от заточки железных иглолок, на другой – следы от заточки ножа. Похожий оселок был найден при раскопках городища Ендырское I (Эмдер) в жилище 3 (кузнице), также – в самом позднем слое [3, 101].

Помимо орудий труда, в коллекции 2014 г. есть одна бусина из камня темно-серого цвета (рис. 5–5). Она имеет коническую форму, диаметр составляет 1,5 см, высота – 1,3 см. Поверхность – гладкая отполированная.

Изделия из глины представлены: обломком прямоугольного пряслица, в сечении с орнаментом (солярный символ?) на одной стороне (рис. 5–4) и фрагментами тигля. К этой же группе изделий можно отнести керамические «скребки» (16 экз.) – орудия, используемые для обработки кожи, а также поверхности сосудов (выравнивания и заглаживания стенок в процессе формовки) (рис. 5–7). Данные орудия изготавливались из обломков сосудов. В процессе работы (например, выделки шкуры) поверхность сколов пришлифовывалась. В ряде случаев такие «орудия» имели несколько «рабочих» краев. Кроме того, в коллекции есть группа фрагментов стенок, со следами оббивки по контуру. Как правило, они имеют правильные очертания. Возможно, это были заготовки для керамических скребков.

При раскопках 2014 г. было найдено несколько глиняных изделий (?), которые сложно пока однозначно интерпретировать

(заготовки «жгутов», фрагменты пластики и т.д.), а также фрагментов «ошлакованной» глины.

Аналогии изделиям из глины прослеживаются в материалах более южных памятников (потчевашской, юдинской культур). Серии керамических скребков, близких к согомским формам, были обнаружены при раскопках городищ юдинской культуры (Коняшино 2, Криволукское и др.) [19, 58; 20, 114–115].

Глиняные пряслица широко представлены в средневековых памятниках Западной Сибири. Наибольшее сходство находки из коллекции городища Чебачья Пристань 2 (по форме и орнаментации) прослеживается в материалах более южных памятников эпохи таежного Приитышья (потчевашской, усть-ишимской культуры) [11, 32–35; 21, 98–99].

Предварительные результаты и выводы:

1. На данном этапе исследования, учитывая приведенные аналогии, некоторые общие тенденции в развитии керамических традиций (орнаментации) в эпоху развитого средневековья, а также в строительстве и обустройстве укрепленных поселений таежной зоны Северо-Западной Сибири, городище Чебачья Пристань 2 можно датировать X–XII вв. н.э.

2. Мощност и насыщенность культурного слоя позволяют нам сделать заключение о достаточно долговременном периоде функционирования городища Чебачья Пристань 2.

3. Особенности планиграфии городища (небольшая площадь при развитой оборонительной системе), наличие «организованного» селища, а также его уникальный для данного микрорайона характер, наводят на предположение о неординарном характере памятника и позволяют рассматривать его в качестве своего рода «центра» (социально-экономического? политического?).

4. Археологические исследования городища Чебачья Пристань 2, проведенные в 2014 г., положили начало формированию комплекса источников для изучения и ре-

конструкции материальной культуры средневекового таежного населения левобережной части Нижнего Пригышья, а также изучения развития гончарства, металлообработки, строительства и т.д.

В заключение отметим, что исследования на памятнике будут продолжены. В качестве ближайших перспектив выделим такие, как комплексный анализ источников, археозоологические исследования. Подробный анализ керамических, остеоло-

гических коллекций и их сопоставление с материалами хорошо изученных памятников сопредельных районов, позволят выявить локальные особенности, присущие данному микрорайону, а также направленность связей и контактов населения низовий Иртыша. Очевидна и необходимость в продолжении полевых стационарных работ, которые позволят уточнить планировку городища и получить данные для реконструкции сооружений.

Литература

1. Карачаров К.Г. Вожпайская археологическая культура / К.Г. Карачаров // Уральский исторический вестник. № 14. Материалы к II Международному Северному археологическому конгрессу. Специальный выпуск. – Екатеринбург: УрО РАН, 2006. – С. 135–149.
2. Зыков А.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. – Екатеринбург: «Уральский рабочий», 2012. 232 с.
3. Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Древний Эмдер. – Екатеринбург: «Волот», 2001. 320 с.
4. Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. Обзор и классификация материала. / В.Н. Чернецов // Материалы и исследования по археологии СССР. № 58. – М.: АН СССР, 1957. – С. 136–245.
5. Шорикова Л.Г. Разведка в Ханты-Мансийском национальном округе. – Свердловск, 1965 // Архив АКА УрГУ. Ф. II. Д. 36. 33 с.
6. Морозов В.М. Отчет об археологических работах в окрестностях деревни Согом в Ханты-Мансийском районе Тюменской области летом 1997 г. 2 книги – Екатеринбург, 1998 // Архив АКА УрГУ. Ф. II. Д. 586, 586а.
7. Поршукова Н.Ю. Отчет о разведочных работах в Ханты-Мансийском районе Тюменской области по «Открытому листу № 702» (форма № 2), выданному ОПИ ИА АН СССР 4 июля 1989 г. – Тобольск, 1991 // Архив ИА РАН. Р-1. № 14013. 29 с.
8. Список вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность, утвержденный приказом директора Департамента культуры и искусства Ханты-Мансийского автономного округа № 348/01–14 от 26.06.2002 г.
9. Соболяникова Т.Н. Отчет о НИР Мониторинг состояния и установления границ памятников археологии в Ханты-Мансийском районе ХМАО–Югры, проведенный летом 2011 года. 2 книги. – Ханты-Мансийск, 2012 // Архив АУ ЦОКН. Инв. № 6627. Д. 1500 а, б.
10. Соболяникова Т.Н., Кузина А.В. Мониторинг состояния и установление границ объектов археологического наследия, расположенных в пределах территории сельского поселения Согом, выявленных в 1960–90-х гг. / Т.Н. Соболяникова, А.В. Кузина // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей / Отв. ред. Я.А. Яковлев. – Томск, Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2012. Вып. 10. – С. 284–290.
11. Коников Б.А. Таежное Прииртышье в X–XIII вв. н.э. – Омск: ОГПИ, 1993. 224 с.
12. Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья / Ю.П. Чемякин, К.Г. Карачаров // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу): Научно-исторические очерки. 2-е издание, исправленное и дополненное. – Екатеринбург: «Тезис», 2002. – С. 9–74.
13. Соболяникова Т.Н., Кузина А.В., Кениг А.В. Результаты мониторинга и установления границ археологических памятников в бассейне р. Ендырь / Т.Н. Соболяникова, А.В. Кузина, А.В. Кениг // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей / Отв. ред. Я.А. Яковлев. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2014. Вып. 12. – С. 255–265.

14. Расторопов А.В. Охранные исследования Кошелевского городища в Нижнем Прииртышье / А.В. Расторопов // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований: Материалы VII научно-практической конференции «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа–Югры», посвященной 90-летию со дня рождения В.Ф. Генинга (Нефтеюганск, 14–16 мая 2014 г.). – Екатеринбург: «Магеллан», 2014. – С. 269–277.
15. Данченко Е.М. О периодизации памятников эпохи железа в Сургутском Приобье / Е.М. Данченко // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи: материалы Всероссийской научной археологической конференции (Сургут, 1–4 октября 2013 г.). – Екатеринбург-Сургут: «Магеллан», 2013. – С. 94–97.
16. Фефилова Т.Ю., Чемякин Ю.П. Раскопки средневекового селища Сартым-Урий 16 в Сургутском районе ХМАО–Югры / Т.Ю. Фефилова, Ю.П. Чемякин // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей / Отв. ред. Я.А. Яковлев. – Томск, Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2009. Вып. 7. – С. 229–248.
17. Расторопов А.В. Ареал распространения посуды с фигурно-штампованной орнаментацией как источник по этнокультурной истории населения Западной Сибири эпох раннего железного века и средневековья / А.В. Расторопов // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи: материалы Всероссийской научной археологической конференции (Сургут, 1–4 октября 2013 г.). – Екатеринбург-Сургут: «Магеллан», 2013. – С. 40–43.
18. Соболенкова Т.Н. Археологические исследования в низовьях Иртыша (по итогам полевого сезона 2013 г.) / Т.Н. Соболенкова // Вестник угроведения. № 2 (17): Научно-теоретический и методический журнал. – Ханты-Мансийск, 2014. – С. 129–137.
19. Матвеева Н.П., Пластеева Н.А., Чикунова И.Ю. Городище Коняшино-2 в подтаежном Зауралье / Н.П. Матвеева, Н.А. Пластеева, И.Ю. Чикунова // АВ ORIGINE: археолого-этнографический сборник Тюменского государственного университета. Вып. 5. – Тюмень: Изд-во ТГУ, 2013. – С. 34–64.
20. Матвеева Н.П., Рафикова Т.Н. Новые данные об юдинской культуре (по материалам Криволукского городища) / Н.П. Матвеева, Т.Н. Рафикова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 6. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2005. – С. 105–116.
21. Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск. Археологический очерк. – Тобольск, 2008. 114 с.

References

1. Karacharov K.G. Vozhpajskaja arheologičeskaja kul'tura / K.G. Karacharov // Ural'skij istoričeskij vestnik. № 14. Materialy k II Mezhdunarodnomu Severnomu arheologičeskomu kongressu. Special'nyj vypusk. – Ekaterinburg: UrO RAN, 2006. – S. 135–149.
2. Zykov A.P. Barsova Gora: očerki arheologii Surgutskogo Priob'ja. Srednevekov'e i novoe vremja. – Ekaterinburg: «Ural'skij rabochij», 2012. 232 s.
3. Zykov A.P., Koksharov S.F. Drevnij Jemder. – Ekaterinburg: «Volot», 2001. 320 s.
4. Chernecov V.N. Nizhnee Priob'e v I tysjacheletii nashej jery. Obzor i klassifika-cija materiala. / V.N. Chernecov // Materialy i issledovanija po arheologii SSSR. № 58. – M.: AN SSSR, 1957. – S. 136–245.
5. Shorikova L.G. Razvedka v Hanty-Mansijskom nacional'nom okruge. – Sverdlovsk, 1965 // Arhiv AKA UrGU. F. II. D. 36. 33 s.
6. Morozov V.M. Otchet ob arheologičeskikh rabotah v okrestnostjah derevni Sogom v Hanty-Mansijskom rajone Tjumenskoj oblasti letom 1997 g. 2 knigi – Ekaterinburg, 1998 // Arhiv AKA UrGU. F. II. D. 586, 586a.
7. Porshukova N.Ju. Otchet o razvedochnyh rabotah v Hanty-Mansijskom rajone Tju-menskoj oblasti po «Otkrytomu listu № 702» (forma № 2), vydannomu OPI IA AN SSSR 4 ijulja 1989 g. – Tobol'sk, 1991 // Arhiv IA RAN. R-1. № 14013. 29 s.

8. Spisok vnov' vyjavlennyh ob#ektov, predstavljajushhih istoricheskiju, nauchnuju, hu-dozhestvennuju ili inuju kul'turnuju cennost', utverzhennyj prikazom direktora Departamenta kul'tury i iskusstva Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga № 348/01–14 ot 26.06.2002 g.
9. Sobol'nikova T.N. Otchet o NIR Monitoring sostojanija i ustanovlenija granic pamjatnikov arheologii v Hanty-Mansijskom rajone HMAO–Jugry, provedennyj letom 2011 goda. 2 knigi. – Hanty-Mansijsk, 2012 // Arhiv AU COKN. Inv. № 6627. D. 1500 a, b.
10. Sobol'nikova T.N., Kuzina A.V. Monitoring sostojanija i ustanovlenie granic ob#ektov arheologicheskogo nasledija, raspolozhennyh v predelah territorii sel'skogo po-selenija Sogom, vyjavlennyh v 1960–90-h gg. / T.N. Sobol'nikova, A.V. Kuzina // Hanty-Mansijskij avtonomnyj okrug v zerkale proshlogo: Sb. statej / Otv. red. Ja.A. Jakovlev. – Tomsk, Hanty-Mansijsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2012. Vyp. 10. – S. 284–290.
11. Konikov B.A. Tazhnoe Priirtysh'e v X–XIII vv. n.je. – Omsk: OGPI, 1993. 224 s.
12. Chemjakin Ju.P., Karacharov K.G. Drevnjaja istorija Surgut'skogo Priob'ja / Ju.P. Chemjakin, K.G. Karacharov // Oчерки istorii tradicionnogo zemlepol'zovanija hantov (materialy k atlasu): Nauchno-istoricheskie oчерki. 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. – Ekaterinburg: «Tezis», 2002. – S. 9–74.
13. Sobol'nikova T.N., Kuzina A.V., Kenig A.V. Rezul'taty monitoringa i ustanovlenija granic arheologicheskikh pamjatnikov v bassejne r. Endyr' / T.N. Sobol'nikova, A.V. Kuzina, A.V. Kenig // Hanty-Mansijskij avtonomnyj okrug v zerkale proshlogo: Sb. statej / Otv. red. Ja.A. Jakovlev. – Tomsk; Hanty-Mansijsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2014. Vyp. 12. – S. 255–265.
14. Rastoropov A.V. Ohrannye issledovanija Koshelevskogo gorodishha v Nizhnem Priirtysh'e / A.V. Rastoropov // Problemy sohraneniya i ispol'zovanija kul'turnogo nasledija: istorija, metody i problemy arheologicheskikh issledovanij: Materialy VII nauchno-prakticheskoi konferencii «Sohranenie i izuchenie nedvizhimogo kul'turnogo nasledija Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga–Jugry», posvjashhennoj 90-letiju so dnja rozhdenija V.F. Geninga (Neftejugansk, 14–16 maja 2014 g.). – Ekaterinburg: «Magellan», 2014. – S. 269–277.
15. Danchenko E.M. O periodizacii pamjatnikov jepohi zheleza v Surgut'skom Priob'e / E.M. Danchenko // Arheologija Severa Rossii: ot jepohi zheleza do Rossijskoj imperii: materialy Vserossijskoj nauchnoj arheologicheskoi konferencii (Surgut, 1–4 oktjabrja 2013 g.). – Ekaterinburg-Surgut: «Magellan», 2013. – S. 94–97.
16. Fefilova T.Ju., Chemjakin Ju.P. Raskopki srednevekovogo selishha Sartym-Urij 16 v Surgut'skom rajone HMAO–Jugry / T.Ju. Fefilova, Ju.P. Chemjakin // Hanty-Mansijskij avtonomnyj okrug v zerkale proshlogo: Sb. statej / Otv. red. Ja.A. Jakovlev. – Tomsk, Hanty-Mansijsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2009. Vyp. 7. – S. 229–248.
17. Rastoropov A.V. Areal rasprostraneniya posudy s figurno-shtampovannoj ornamentaciej kak istochnik po jetnokul'turnoj istorii naselenija Zapadnoj Sibiri jepoh ran-nego zheleznoego veka i srednevekov'ja / A.V. Rastoropov // Arheologija Severa Rossii: ot jepohi zheleza do Rossijskoj imperii: materialy Vserossijskoj nauchnoj arheologicheskoi konferencii (Surgut, 1–4 oktjabrja 2013 g.). – Ekaterinburg-Surgut: «Magellan», 2013. – S. 40–43.
18. Sobol'nikova T.N. Arheologicheskie issledovanija v nizov'jah Irtysha (po itogam polevogo sezona 2013 g.) / T.N. Sobol'nikova // Vestnik ugrovedeniya. № 2 (17): Nauchno-teoreticheskij i metodicheskij zhurnal. – Hanty-Mansijsk, 2014. – S. 129–137.
19. Matveeva N.P., Plasteeva N.A., Chikunova I.Ju. Gorodishhe Konjashino-2 v podtaezh-nom Zaural'e / N.P. Matveeva, N.A. Plasteeva, I.Ju. Chikunova // AB ORIGINE: arheologo-jetnograficheskij sbornik Tjumen'skogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 5. – Tjumen': Izd-vo TGU, 2013. – S. 34–64.
20. Matveeva N.P., Rafikova T.N. Novye dannye ob judinskoj kul'ture (po materialam Krivoluk'skogo gorodishha) / N.P. Matveeva, T.N. Rafikova // Vestnik arheologii, antropologii i jetnografii. № 6. – Tjumen': IPOS SO RAN, 2005. – S. 105–116.
21. Adamov A.A., Baljunov I.V., Danilov P.G. Gorod Tobol'sk. Arheologicheskij oчерk. – Tobol'sk, 2008. 114 s.

Рис. 1. Обзорная карта расположения городища Чебачья Пристань 2

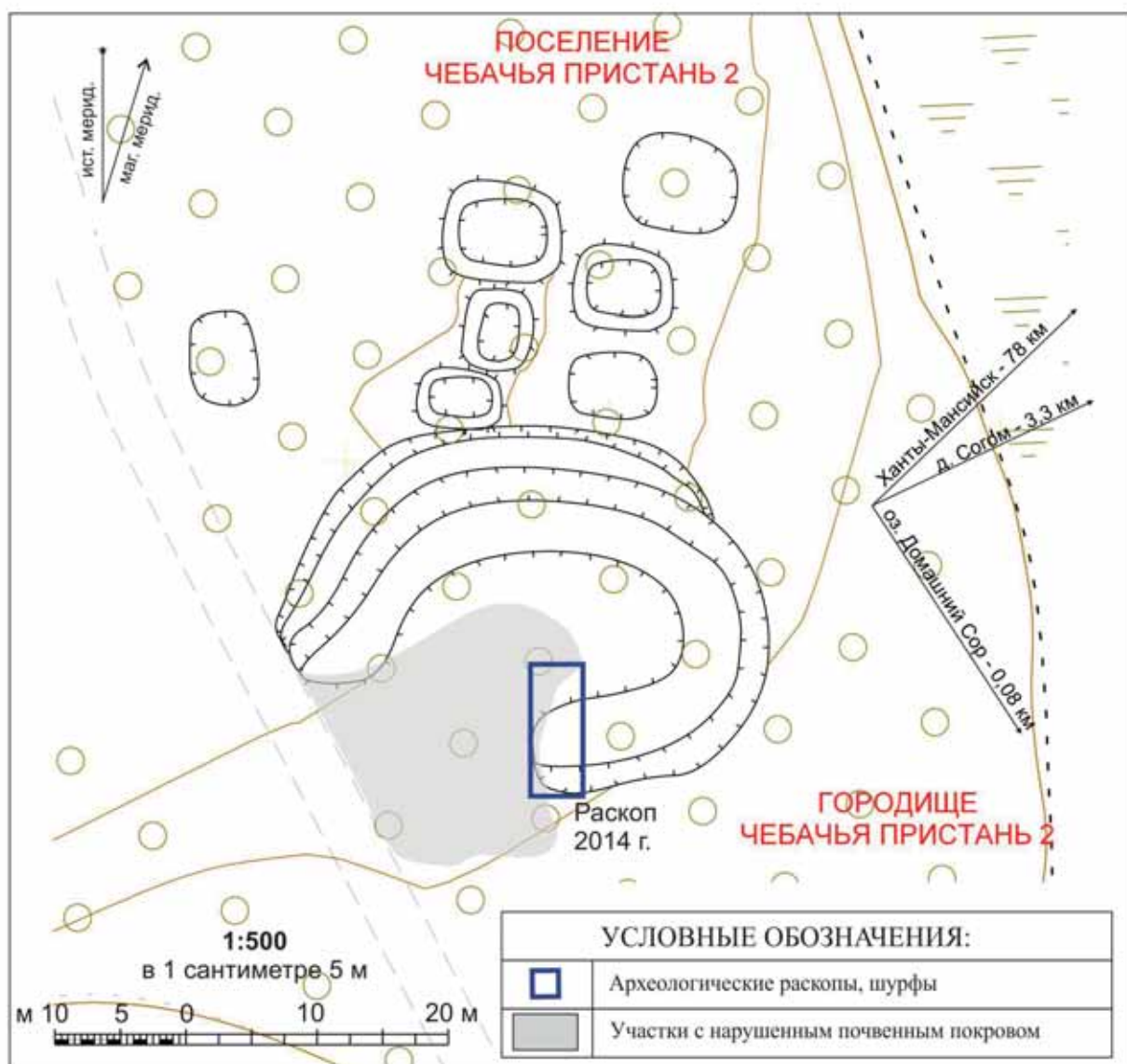

Рис. 2. Топографический план городища Чебачья Пристань 2 и поселения Чебачья Пристань 2

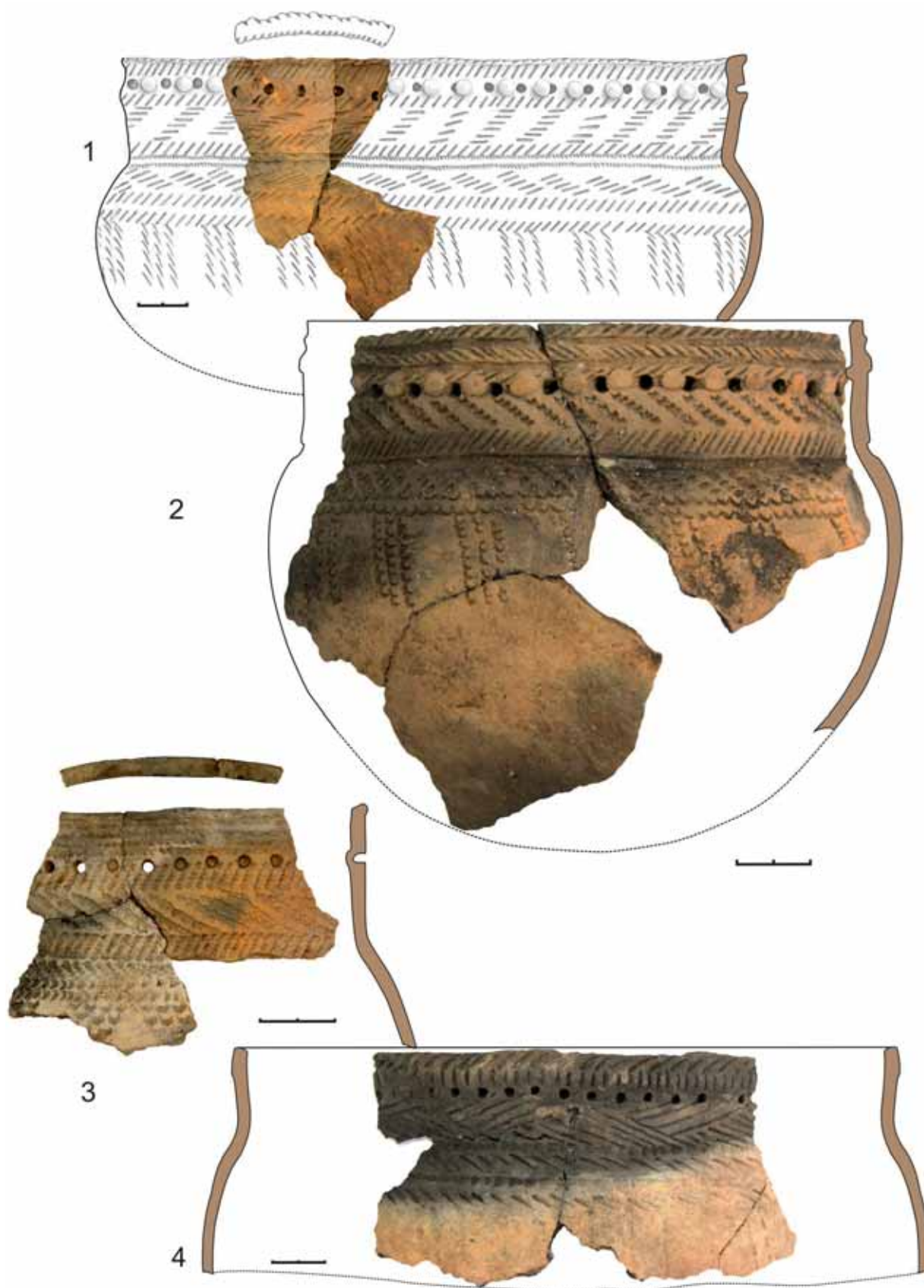

Рис. 3. Керамические сосуды городища Чебачья Пристань 2 (1-й и 2-й групп)

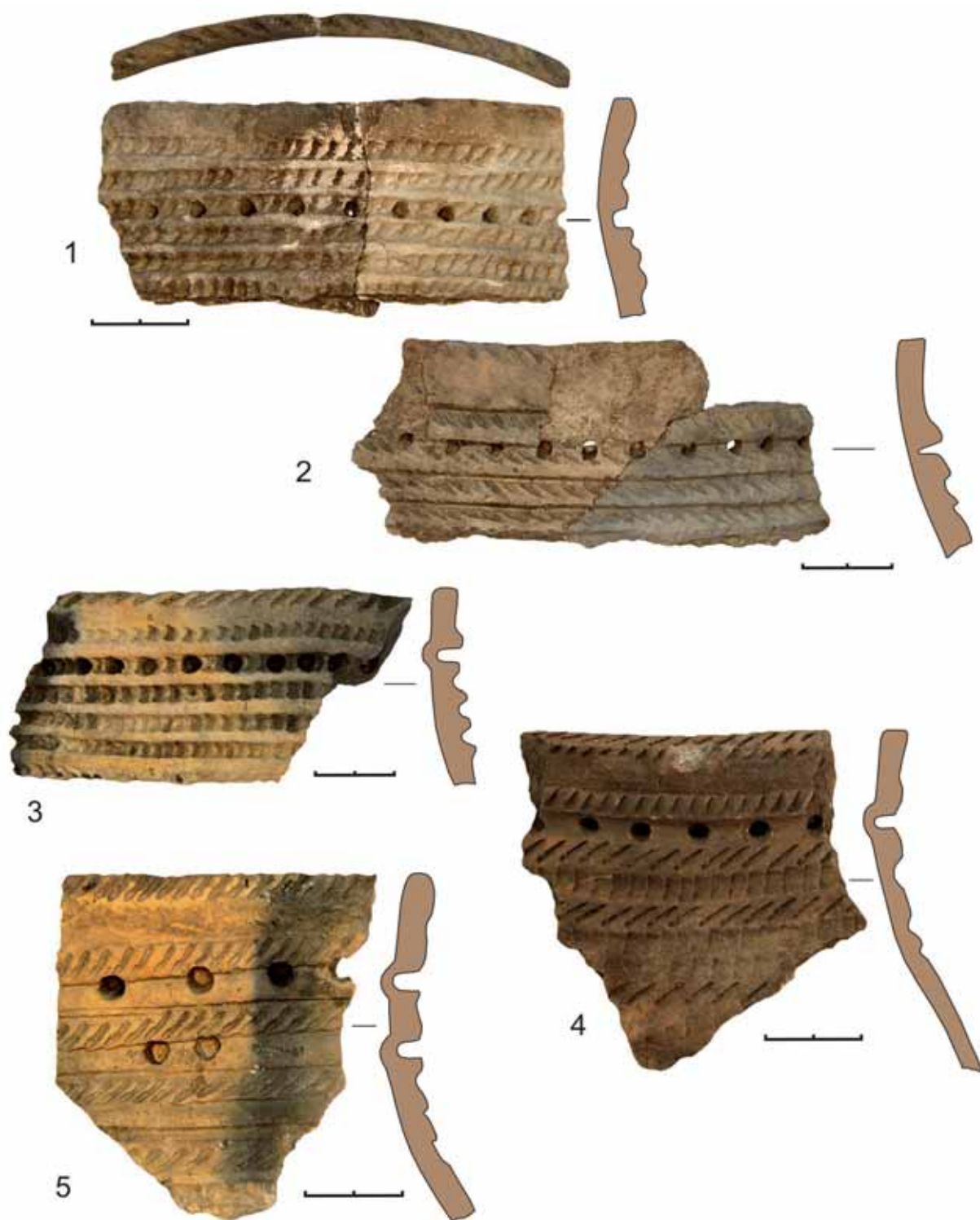

Рис. 4. Керамические сосуды городища Чебачья Пристань 2 (3-й и 4-й групп)

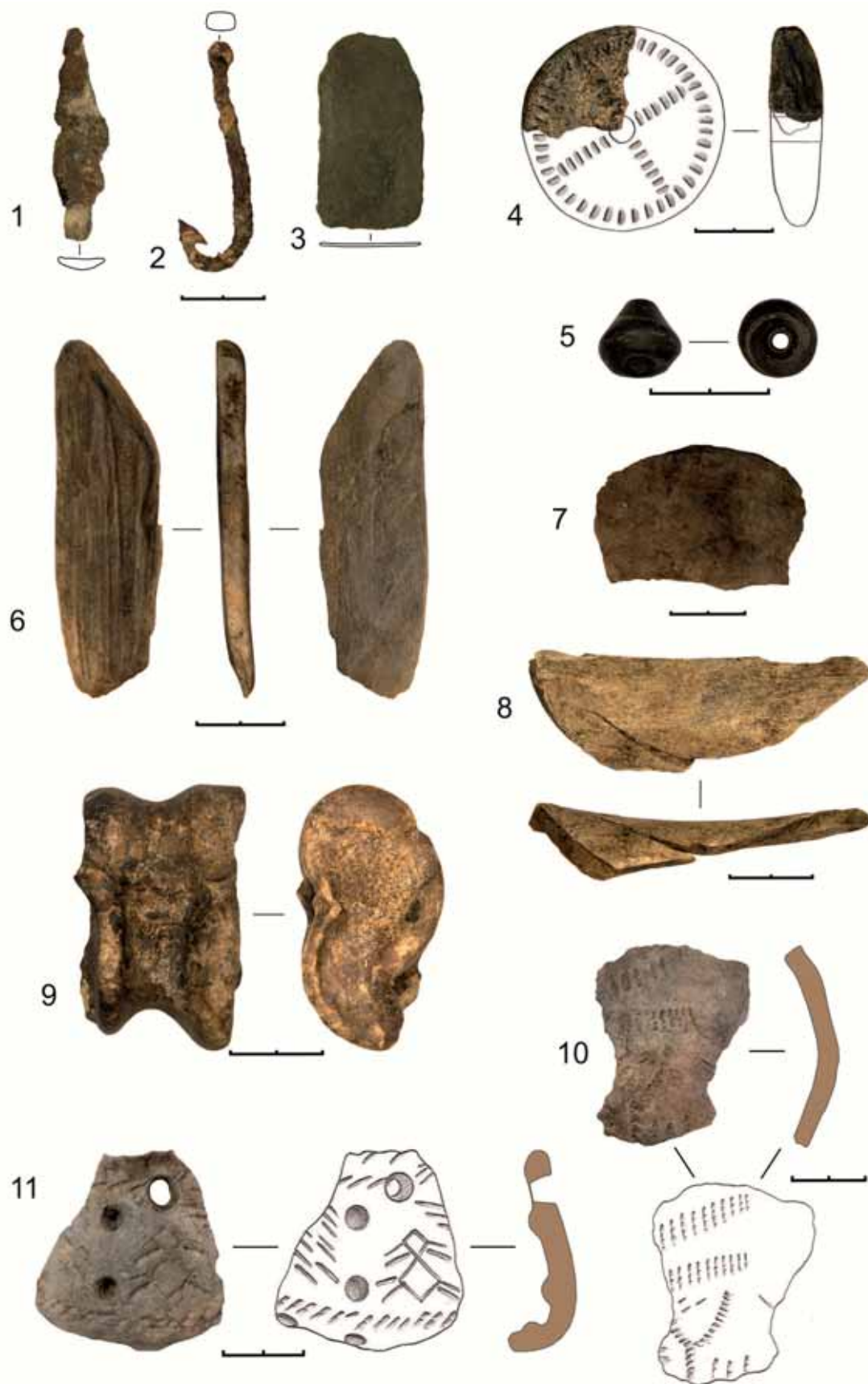

Рис. 5. Городище Чебачья Пристань 2. Находки из раскопа 2014 г.:
1-3 - металл; 4,5,9,10 - глина; 4 - камень;
6-8 - кость